PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

В.А. Предборский
В.П. Кунцевич

ТЕНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация: В статье исследуются закономерности развития тенизационных противоречий в условиях первоначального накопления капитала в постсоветских странах, теневой потенциал процессов виртуализации собственности и социально-экономических атрибутов современной элиты.

Ключевые слова: рыночное развитие, разгосударствление, приватизация, первоначальное накопление капитала, теневизация экономики, теневой капитал, виртуализация собственности, контрреформы, трансформационные процессы, экономический цикл

"SHADOWY" POTENTIAL OF CONTRADICTIONS OF THE PRIMARY ACCUMULATION OF CAPITAL AND THE PROBLEM OF EFFECTIVE ELITE FORMATION

Abstract: In the article laws of "shadowing" contradictions development under primary accumulation of capital conditions in post-Soviet countries are examined. "Shadowy" potential of property visualization and socioeconomic attributes of modern elite are described.

Keywords: market development, denationalization, privatization, primary accumulation of capital, economy "shadowing", shadow capital, property virtualization, counter- reform, transformation processes, economic cycle

* Статья поступила в редакцию 14 марта 2012 г.

Постановка проблемы

Противоречия первоначального накопления капитала, особенности их проявления в условиях постсоветских государств объективно выступают как существенный фактор теневизации и криминализации социально-экономической жизни общества. В то же время состояние исследований этой важной научной проблемы не отвечает потребностям познания причинных факторов роста теневой экономики, выхода его на уровень обеспечения государственной политики противодействия развитию теневого параобщества.

Анализ публикаций и исследований по проблеме

К проблемам изучения закономерностей теневизационного роста неоднократно обращались такие ученые-экономисты, как: А.С. Галь-

PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

инский, В.М. Геец, А.В. Базелюк, В.А. Бородюк, С.А. Коваленко, А.В. Турчинов, О.В. Мандыбура, А.С. Пасхавер и др. Однако исследование вопросов теневой экономики, средств ее ограничения и противодействия, разработки соответствующего теоретико-методологического инструментария познания причинно-следственной тенденции ее развития еще не отвечают общественным потребностям, что требует осуществления дальнейших активных научных поисков.

Целью данной статьи является исследование закономерностей развития теневизационных противоречий в условиях первоначального накопления капитала в постсоветских странах, их проявления в виде накопления теневого потенциала процессов виртуализации собственности и соответствующих негативных социально-экономических атрибутов современной элиты этих государств.

Изложение основного материала

Одним из базовых явлений, определяющих современное развитие постсоветских социально-экономических противоречий, накопление их теневизационного потенциала, является процесс первоначального накопления капитала.

Первоначальное накопление капитала (ПНК) – это масштабный исторический процесс перестройки общественного организма, содержанием которого является перераспределение собственности – лишение собственности непосредственного производителя (прежде всего, крестьянина), превращение его в наемного рабочего, узурпация общественных средств производства, других элементов национального богатства узкой группой новых субъектов собственности, превращения ими этих средств в капитал; происходит, как правило, в основном в теневых, внеправовых, силовых, в том числе и уголовных, формах, предшествует установлению капиталистического способа производства.

В развитых, адекватных своей сущности формах процессы ПНК присущи ведущим, локомотивным для данного исторического периода странам. Такими в свое время были Нидерланды, затем Великобритания, в XX-начале XXI вв. – США, Германия. В зависимых странах – странах крестьянской цивилизации, к которым относятся Россия, Украина и Беларусь, – процесс ПНК приобретает модифицированные, иррациональные, извращенные формы, имеет свойства периодического повторения и инверсии, как правило, содержит более острые противоречия, в частности, теневизационные. В этих странах процессы ПНК и их разногласия проявляются в форме противоречий, волн незавершенной модернизации, периодического реформирования.

Непосредственными средствами современного первоначального накопления капитала, например, в России и Украине, при создании в этих странах олигархической социально-экономической структуры выступают разгосударствление собственности и приватизация, так называемая «шоковая терапия» – масштабное внедрение квазилиберальных моделей рыночного развития, широкое использование средств перераспределения собственности, в том числе инфляционного роста, финансово-кредитных, бюджетных, ценовых ножниц, контрабанды, использования квазирыночных инструментов – бартерных схем, финансовых пирамид и т.п. Важными средствами, способствующими ПНК, являются социально-экономические конфликты, гражданские, межнациональные, межконфессиональные войны, которые ускоряют и активизируют теневые процессы перераспределения собственности и поляризации общества.

В современной литературе достаточно широко исследуется циклическая природа процессов модернизации, факторы и этапы ее экономической динамики [1, с. 78–82]. Если на основе достаточно большого исторического опыта реформирования в России, накопленного в XIX и XX веках, проанализировать закономерности модернизационных процессов, то обращают на себя внимание две их своеобразные черты. Во-первых, невозможно не заметить устойчивую способность к воспроизведению реформ через каждые 20–30 лет, сохранение при этом в этих реформах общей направленности на заимствование ценностей западной экономики, наличие тесной взаимосвязи с длинноволновыми колебаниями западной деловой активности, которая нашла свое отражение в циклах Н.Д. Кондратьева.

Во-вторых, результаты анализа реформ свидетельствуют о наличии постоянного воспроизводства обратного (инверсионного) движения реформ или, во всяком случае, их явного ограничения относительно заимствования качества западных реформ, их торможения и вытеснения из экономического пространства. Контрреформы заканчиваются новым обострением социально-экономических конфликтов, возникновением общественных кризисов [2, с. 69].

PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

Изучение истории трансформационных процессов на территории бывшей Российской империи, Советского Союза дает возможность достаточно легко выявить их циклическую природу. Так, сначала она была вскрыта на этапе так называемого социалистического развития СССР в виде системы перестроек: «военного коммунизма», «новой экономической политики», «великого перелома», хрущевско-косыгинских, брежневских реформ, горбачевской перестройки [3, с. 31–40]. Дальнейшее изучение привело к пониманию того, что отдельные этапы трансформаций имеют системный характер и являются звеньями единого процесса модернизации, имеющий период кругооборота почти в два века. В этой связи современные трансформационные процессы следует рассматривать как их очередную фазу.

В. Рязанов в истории российских реформ XIX и XX вв. выделяет пять наиболее значительных волн, имеющих общую направленность на активизацию формирования рыночных отношений. Первая волна охватывает период с начала XIX в. до 20-х гг. XIX в., вторая – с конца 50-х гг. до середины 70-х гг. XIX в.; третья волна – с середины 90-х гг. XIX в. до Первой мировой войны (при этом период НЭПа выступает как определенная послереволюционная реанимация предыдущих реформ Витте и Столыпина); четвертая – со второй половины 50-х до конца 60-х гг. XX в., и наконец, пятая волна реформ возникает в середине 80-х гг. и продолжается сейчас [2, с. 70].

Выдвижение гипотезы о том, что все пять волн экономической трансформации не изолированы друг от друга, а выступают звеньями единого процесса модернизации, а также наличие гипермикла модернизации, который продолжается в течение двух веков, требует соответствующего выдвижения общей основы направленности этой модернизации. Такой основой, на наш взгляд, может выступать циклический процесс реакции ограниченной модернизации малого общества на модернизационные волны современного западного общества, адаптация «малого» (восточнославянского) общества к изменениям направлений развития «крупного» (западного). Это влияние на «малое» общество происходит в пределах следующих фаз микроцикла – давления капиталистической организации – сжатия, архаизации общины; обратная реакция, расширение и трансляция общинной организации – ограничения и переваривания общиной капиталистической организации в организме малого общества. Каждое изменение в динамике фаз цикла тесно связано с развитием теневизации, соответствующими ее фазами. При этом процесс экономического цикла, переход из одной фазы в другую, их противоречия обусловливают тенденции теневизации.

Предлагаемая основа циклов модернизации на постсоветском пространстве имеет, на наш взгляд, существенные аргументы в свою пользу. Так, знакомство с историей реформ позволяет убедиться в том, что все пять их волн достаточно точно совпадают с повышающими фазами длинных волн мировой конъюнктуры [4]. Это указывает на закономерность и современной фазы цикла, что проявилась в рыночных реформах конца XX – начала XXI вв. Существующая система государственного управления вступила в глубокий кризис, что обусловливает усиление процессов теневизации, которые опять же совпали с возникновением повышательной фазы пятого большого цикла деловой активности. Можно говорить о существовании устойчивой и воспроизводимой связи, симметричности реформирования экономики, с накоплением кризисного потенциала в процессах государственного управления, их теневизацией. Взаимосвязь современного цикла с «большими циклами» Н.Д. Кондратьева свидетельствует, в частности, о высоких прогностических ценностях кондратьевской теории волно-цикличного развития экономики для исследования периодичности процессов усиления ее теневизации. Период очередного экономического цикла имеет тесную корреляционную связь со значительным ростом преступности, теневых социально-экономических процессов. Так, вторая волна циклических реформ (50–70-е гг. XIX в.) симметрично связана со скачкообразным ростом преступлений против личности, против собственности, что вызвало необходимость проведения глубокой полицейской реформы, ее качественно новым нормативным обеспечением, существенным совершенствованием оперативно-розыскной деятельности и т.д. [5, с. 123–133].

Важным аспектом исследования закономерностей развития процесса теневизации и ее волно-цикличной собственной природы в восточнославянском обществе является существование свойства инверсии (обратного движения) в ходе проведения социально-экономической модернизации [6], [7], [8]. За ней стоит, по мнению В.Т. Рязанова, действие контррыночной тенденции, которая при определенных, прежде всего, политических и идео-

логических условиях, а также в зависимости от перегруппировки во властных структурах государства может привести к возникновению полурыночного или преимущественно нерыночного типа хозяйствования. Так, результатом экономического реформирования в СССР в 50–60-е гг., создавшим необходимые предпосылки для современной модернизации, стало образование гибридного (смешанного) типа рынка, который представляет собой специфическую систему хозяйствования, основанную на деформированных рыночных механизмах, своеобразного «бюрократического рынка» – с сильными государственными рычагами влияния на экономику, преобладанием государственного аппарата управления и крупномасштабным сектором теневой экономики [2, с. 73].

В целом, характеризуя последствия незавершенной модернизации в малом обществе, В.Т. Рязанов, по нашему мнению, попадает в методологическую ловушку, когда пытается на основании применения критерия «рыночности» к процессам модернизации проследить их внутреннюю объективную логику. Волнообразный процесс модернизации восточнославянских обществ отражает двуедино гомеорезно-гомеостазный механизм развития зависимого (малого) общества, его попытку, с одной стороны, с помощью модернизации не отстать от более передовой в настоящее время цивилизации, а с другой – сохранить тождественность своей особенной социально-экономической структуры стран незападной цивилизации.

Волно-циклический процесс модернизации малого общества имеет закономерную теневую составляющую, что связано с имманентно присущей этому процессу кризисом государственного управления. В этой связи процесс теневизации тоже имеет циклическую природу, определенные фазы цикла. Первой фазе цикла модернизации – распространению экспансии западной экономики в крестьянской экономике – соответствуют специфические особенности ее тенизации. Так, этой фазе – фазе теневого подъема – характерно обострение межсекторного структурного разрыва и гибридизация.

Это связано с тем, что процесс модернизации экономики зависимых стран построен на асинхронном расширенном воспроизводстве элементов, образующих экономику, образованием в ней структурных разрывов – «пустот» – в том месте, где должна существовать какая-либо деятельность, необходимая для обеспечения сбалансированного развития [9, с. 93–100].

В отличие от развитых стран, где структурные разрывы имеют ограниченный внутрисекторный характер (а в экономической системе присутствуют все необходимые для синхронного развития элементы), в зависимых странах, к которым относятся страны крестьянской, прообщинной цивилизации, отсутствует ряд блоков экономической структуры, необходимых для нормального сбалансированного развития. Это обусловлено самим характером развития зависимой экономики, способом модернизации этих стран, которая должна выполнить функцию «подтягивания» к изменению циклических этапов технологического способа производства в развитых странах.

Для преодоления высокого компенсационного барьера на основе модернизации осуществляется внедрение в экономику зависимых стран новейшей промышленной техники и технологий извне, что расцикливает циклическое до того производство (по собственной траектории цикла). При этом возникает технологический разрыв, сущность которого выражается в том, что прерывается процесс постепенного развития автохтонной технологической структуры, а в саму эту структуру вживляются созданные вне ее технологические блоки. Процесс воспроизводства в зависимых странах теряет характерную для развитых стран на всех ее этапах движения непрерывность и становится отныне возможным лишь в условиях обмена части их продукта на средства производства из развитых стран.

Таким образом, одним из базовых атрибутов экономической системы стран крестьянской цивилизации является отсутствие в ней ряда блоков, необходимых для синхронного развития, а отсюда и потребность в периодической модернизации. Критическая масса хозяйственных блоков, необходимых для синхронного развития, определяется наличием такой ситуации, когда все элементы экономической структуры функционируют и поддерживают процесс расширенного воспроизводства, не нуждаясь в поддержке ресурсами, поступающими в систему централизованного внеэквивалентного перераспределения. Такую критическую массу хозяйственных блоков С.В. Онищук и М.В. Белоусенко называют целостной индустриальной структурой (ЦИС) [9, с. 95]. Особенно большое значение в условиях ЦИС имеет инфраструктура. Если по

PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

объемам производства валового внутреннего продукта на душу населения зависимые страны отстают от развитых в десятки раз, то по уровню инфраструктурной плотности – в сотни и тысячи.

Если в развитых странах при наличии ЦИС структурные разрывы возникают только внутри экономических блоков, то в зависимых они имеют межблочный характер, что приводит к глубокой деформации всего воспроизводственного механизма. Отсутствие в экономической структуре зависимых стран ряда необходимых хозяйственных блоков приводит к резкому снижению эффективности функционирования соседних блоков, к невозможности осуществления воспроизводства без широкого использования централизованного внеценового перераспределения в их пользу производственных ресурсов общества, которые изымаются из других секторов экономической структуры.

Такое состояние экономической структуры называется структурным разломом. Последний является качественно новым явлением, которое существенно отличается по последствиям для развития теневизационных процессов от структурного разрыва.

Ключевая роль госсектора в экономике зависимых стран определяется отсутствием здесь целостной индустриальной структуры, в рамках которой только и возможно функционирование экономической системы на базе частной собственности и западной модели рыночного развития. Отсутствие ряда необходимых для синхронного развития хозяйственных блоков и наличие потребности в их спешном формировании превращает процесс мобилизации накопленных ресурсов государством (как своих, так и привлеченных) и направляет их на расширенное воспроизводство в виде инвестиций, прямых государственных дотаций или косвенных субсидий в решающий фактор экономического развития. В этой связи эффективность действий государства, степень экономической безопасности его управления приобретает принципиальное значение. Наличие глубокого кризиса государственного управления, его теневизации и криминализации является выражением процессов структурного разлома, который развивается в условиях деградации общественных институтов под влиянием разрушительного внедрения прозападных моделей организации государственной власти. Содержанием процессов ПНК, как отмечалось выше, является перераспределение собственности, которое в этот период приобретает перманентный виртуальный характер.

Состояние отношений собственности в стране, как известно, играет фундаментальную роль в процессах модернизации. При этом следует обратить внимание на то, что трансформационный процесс в системе собственности в постсоветских странах не ограничивается отношениями присвоения (приватизация захватила в основном только этот аспект отношений), а сочетает в себе элементы владения и использования человеком различных ценностей (не только материальных, но и духовных). Гибридизация (смешивание) власти и бизнеса в экономической структуре общества, нераздельность собственности и власти при доминировании последней [10, с. 115] – это имманентно присущий нашему обществу процесс, который является базовым как для понимания самих функций приватизации, способа сочетания рабочей силы и средств производства, так и эволюции социальной структуры общества, характера использования и потребления созданного в процессе производства продукта, особенностей его обмена и распределения и, что немаловажно, характера управления экономическим процессом.

В связи с этим своеобразием процесса ПНК в этих странах он все больше превращает трансформацию в процесс перманентного (виртуального) перераспределения собственности. Особенностью его является то, что такое перераспределение связано, с одной стороны, с персонификацией собственника, с другой – отсутствием корреляции получения доходов с эффективностью хозяйственной деятельности. «Вся суть проблемы сводится к тому, что механизмы виртуального перераспределения собственности и механизмы образования прибавочной стоимости, капитализации полученной прибыли и наращивания основного капитала не только органически не дополняют друг друга, а действуют фактически в противоположных направлениях» [10, с.129], [131]. На базе этих механизмов сформирована многоканальная система теневизации экономики, ее коррумпированности и олигархизации. Виртуализация отношений собственности как атрибут элитной экономики является непременным продуктом противоречий модернизации традиционного общества.

Логика развития приватизационных процессов, формирования структуры собственности в России, Украине была направлена на монополизацию сосредоточения рычагов

экономической власти в руках узкого круга чиновников-олигархов и криминальной буржуазии.

В соответствии с закономерностями гибридизации власти в условиях консервативного, периферийного, крестьянского общества, в отличие даже от России, где в результате реформ был сформирован специфический союз власти и олигархов, в Украине во многом сам носитель функций власти – чиновник стал собственником-предпринимателем. Становление этого процесса произошло значительно раньше принятия в 1992 г. соответствующего приватизационного законодательства Украины. «Другое дело, что это была не официальная, а теневая, неформальная, номенклатурно-бюрократическая приватизация.... Главным в этом было принятие еще в 1987–1988 гг. законов «О трудовых коллективах» и «О государственном предприятии», согласно которым имущество государственных предприятий было передано в управление трудовым коллективам, от их имени выступала администрация фабрик и заводов, а фактически их руководители. Аналогичные процессы происходили и в связи с образованием на базе крупных государственных предприятий малых предприятий и кооперативов, которые выполняли в значительной части роль механизмов по переводу финансовых ресурсов в непроизводственную сферу, а точнее – в частное пользование» [10, с. 129–130].

Способов теневой приватизации и формирования ее элитных субъектов предостаточно, все они построены на эксплуатации закономерностей гибридизации власти. Особую роль здесь сыграли быстрая номенклатурная приватизация (1989–1991 гг.) системных банков, так называемый партийный и комсомольский бизнес, аренда, функционирование совместных предприятий и прочее. Логическим апогеем стал полный упадок в последние годы горбачевского периода государственной власти, которая ранее держалась только на диктатуре партии. Когда власть распалась, контроль партийно-хозяйственной номенклатуры и государственной бюрократии над ключевыми позициями государственной собственности приобрел окончательные очертания: построенная на теневых связях приватно-номенклатурная собственность стала, по сути, господствующей. Все это не могло радикальным образом не сказаться на специфике приватизационного процесса в постгорбачевский период. По своему содержанию он представлял собой не первоначальное разгосударствление, а перераспределение собственности, которая фактически уже находилась во владении частных лиц.

В соответствии с процессами виртуализации собственности в условиях ПНК формируется элита общества, главным атрибутом утверждения которой является присущее ей неограниченное влечение к теневым, внеправовым формам существования, захвату чужой собственности, монопольному, не ограниченному никакими обязанностями, ответственностью, моральными императивами личному обогащению.

В Украине, например, в отличие от Польши, Чехии и стран Балтии, до сих пор не произошло существенного обновления старой советской элиты, изменения ее критической массы в высших эшелонах власти. По подсчетам специалистов Центра Разумкова, среди лиц, которые в течение 1991–2010 гг. назначались на высокие должности в системе власти (премьер, вице-премьер, секретарь Совета национальной безопасности и обороны, глава администрации Президента), выходцы из партийной, советской, хозяйственной, комсомольской номенклатуры советских времен составляют 73%; среди лиц, которые с 1995 г. занимали (или занимают) должности глав областных государственных администраций, – почти 80%. Что касается ее бюрократической составляющей, то, по данным Национального института стратегических исследований (НИСИ), 52 и 46% руководящего состава местных и центральных органов власти Украины, соответственно, находились на государственной службе еще в советское время.

Еще одной заметной составляющей современной элиты Украины стали представители новой буржуазии. Для них главной задачей было через гибридизированные структуры власти и бизнеса обеспечить конвертацию власти в собственность, а собственности – в еще большую власть. Такой симбиоз номенклатурной и новобуржуазной элит оказался чрезвычайно эффективным в достижении собственных целей, формулировке и защите собственных интересов.

Те же данные НИСИ свидетельствуют: две трети современной украинской элиты (в том числе политической) составляют лица старше 50 лет. Почти 87% являются выходцами из сельской местности или небольших городов, которые по жизненному укладу мало отличаются от сел. Такое происхождение в связи с самим цивилизационным типом общества присуще подавляющему большинству насе-

PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

ления страны, что пережило как физическое уничтожение династической интеллигенции, так и стремительную урбанизацию последних десятилетий. Это еще один весомый аргумент в пользу развития социально адекватной государственно-административной системы, которая должна базироваться на принципах соборного общества.

В связи с широкой гибридизацией власти в постсоветских России и Украине, для их общественной структуры характерным является существование элиты, преимущественно одновременно в двойственной форме – политической и экономической. Представляет интерес анализ картины механизмов основного теневого обеспечения современной элиты, в частности, на основе развития паразитического элитного сектора, функционирование которого проявляется в:

– неадекватном представительстве общественных интересов. Новейшие политические институты оказались демократическими лишь по форме, их содержание, реальный механизм деятельности не отвечают критериям современной демократии. Вследствие этого сегодня ни один из властных или значимых общественно-политических институтов не представляет адекватно интересы широких слоев общества;

– отсутствии механизмов ответственности элиты на политическом уровне перед обществом за провозглашенные или принятые ею документы программного характера. Главным условием переизбрания депутата парламента является не выполнение им своей предвыборной программы, а, в большинстве случаев, – объем потраченных на его избирательную кампанию средств или сила административного ресурса, задействованного в его поддержку. Программы политических партий, по сути, не предусматривают отчетности и ответственности перед избирателями или даже членами партий за их выполнение. Предвыборные программы партий имеют преимущественно конъюнктурный характер и не предусматривают долгосрочной и заметной работы по их выполнению;

– ущемлении свободы СМИ в целях ограничения распространения критической (незаангажированной) информации о действиях правящей элиты. Массовый характер приобрело использование средств политического, экономического, административного, силового давления на СМИ и отдельных независимых журналистов. Таким образом правящая элита лишает общество возможности осуществлять контроль за ее деятельностью, постепенно формирует транспарентные механизмы функционирования государства;

– невосприятии правящей элитой оппозиции (в том числе парламентской) как политического оппонента, необходимого для конструктивной коррекции собственных действий. Правящая элита рассматривает оппозицию как прямую угрозу собственному статусу, власти и собственности, что выражается в применении к лидерам, отдельным функционерам или даже сторонникам оппозиции методов административного и силового давления, ограничения доступа к СМИ;

– преимущественно патронально-клиентальным принципах кадровой политики. Кадровая политика является непрозрачной. Многочисленные увольнения и назначения руководителей центральных и местных органов власти осуществляются, как правило, без объяснения мотивов. Нередки примеры назначения на ответственные посты чиновников, которые были уволены из-за компрометирующих обстоятельств или неудовлетворительного выполнения служебных обязанностей. Это дает основания предположить, что главным критерием занятия должности является не профессиональная компетентность, высокие морально-этические ценности, а личная преданность тому, кто осуществляет назначение.

Таким образом, наиболее выразительными чертами современной элиты являются пренебрежение общественными интересами, бесконтрольность, безответственность, нетранспарентность, тяга к теневым кулуарным механизмам. Как следствие, между властью и обществом углубляется противоречие: власть обращается к обществу только тогда, когда возникает сезонная потребность в очередной общественной легитимации продления ее полномочий или поддержки ее политических инициатив.

Современная национальная элита смогла предложить обществу лишь ту социально неразвитую систему ценностей, которая была и является близкой ей самой. Как следствие, растерянное, в значительной степени лишенное нравственных ориентиров общество получило «пример» в виде поведения высших представителей элиты, главными чертами которой является эгоизм, ориентация на ценности личного потребления, пренебрежение к тем, кто не причастен к узким элитным корпоративным кругам и кому предлагается руководствоваться законом, установленным декларативно для всех, и общими нормами

морали. Своим поведением, построенном на двойных стандартах, правящая элита развращает общество, что приводит к масштабной коррозии моральных ценностей. По данным социологических опросов, уже сейчас 11% молодежи признают, что на них нормы морали не распространяются, 21% – игнорируют закон, 25% – считают, что уровень и качество образования в жизни не важны, главное – иметь богатых родителей, родственников или «своих людей» во власти и коммерческих структурах. Так, среди молодежи существует устойчивая тенденция к снижению морального порога, пренебрежению общественными интересами, тяге к асоциальному поведению и девиации, и если она сохранится, то общество ожидает катастрофическое снижение уровня социальной безопасности, развитие теневых, криминальных проявлений [11, с. 7].

Наличие резких противоречий в отношении возможностей обеспечения эффективного государства – значительного усложнения задач в системе национальной безопасности по качественному прорыву, перелому в функционировании государственно-административного корпуса общества, в обеспечении им формирования экономической структуры для прорыва на пути эффективной трансформации и фактического отсутствия элиты общества (по ценностным признакам), признания за ней чрезвычайной эффективности лишь в достижении собственных целей, формулировке и защите собственных интересов ставят перед обществом общенациональную задачу – скорейшего формирования новой, общественно эффективной элиты. Воспитание эффективной элиты – комплексная, важная программа национальной безопасности, которая требует неотложного решения. Одним из главных сегментов этой программы, которая должна стать главным направлением системы реформирования государства, является создание современной системы образования, в частности, элитного.

Опыт других стран, которые решали проблему ускоренной трансформации, свидетельствует о большом значении для этого подъема всего комплекса образования. Так, начиная с периода Мэйдзи (1868 г.), периода прокапиталистической реформации, японские лидеры руководствуются в своей деятельности лозунгом вакон Йосай (японский дух, западная технология). С этого времени Япония постоянно выделяет огромные средства на образование, повышение квалификации персонала. Речь идет не только о школьном или вузовском образовании в пределах производственных корпораций, но и о постоянном настрое нации изучать методы и процессы, применяемые за рубежом.

Как известно, с точки зрения управления, вопрос «чему учиться» представляется существенно менее важным по сравнению с вопросом «кто будет учить». Передовые позиции экономики США на протяжении всего послевоенного периода объясняются преобладанием фактора управления, первенства американской системы подготовки менеджеров. Пик могущества выпускников школ бизнеса в США достигнут в 60–70-е гг. прошлого века, причем одновременно как в государственно-административной деятельности, так и в корпоративном управлении. Весь Запад объяснял экономические и технические преимущества США разрывом в уровне подготовки менеджеров, создавал школы бизнеса, подобные американским.

Единственная страна, которая не пошла по пути заимствования программ подготовки менеджеров по образцам американских школ бизнеса, была Япония. И теперь уже современные проблемы экономики США, в частности, в области государственного управления, объясняются отставанием в уровне управления – стиля, направленности, горизонта управления, содержания, методов. Современный подход Японии к системе образования, что вообще характерно для процесса эффективной ускоренной трансформации, создает новую социальную дифференциацию общества. Как постиндустриальное общество, эта страна в настоящее время имеет многослойный класс высокообразованных кадров, для которых успешность карьеры обусловлена подтверждением о качестве полученного образования. Япония – это современное стратифицированное общество, где социальное положение является функцией не накопленного богатства и увековечения элитарной власти, а университетского образования, которая, в свою очередь, является функцией системы оценок по заслугам.

За послевоенные десятилетия японская система образования стала объектом развития усиливающейся конкуренции за лучшие позиции в этой системе. Как и при любой конкуренции, образовательные соревнования выполняют функцию дифференциации по продукту, качеству, цене. Эта градация в образовательной системе существует на всех уровнях: от детских садов и юношеских школ до вузов, колледжей и университетов. Форма

PDF-XChange Viewer Click to buy NOW! www.docu-track.com

соборного общества, которая выражается в солидарном, упорядоченном и согласованном обществе, – это лишь оболочка, прикрывающая жесткий конкурентный социальный порядок, и образовательная система – лишь одно из его проявлений. В отличие от США, где меньше половины выпускников средней школы посещает хотя бы один научный курс, японцы стремятся к балансу во всех базовых учебных курсах. Здесь обнаруживается сходство с государственным подходом к индустриальной политике и технологическому планированию. Цель этого пакетного подхода к управлению различными секторами образовательной системы – поднять стандарты и уровень отдельных секторов до состояния высокого минимума. Таким же образом, правительство, пытаясь распространить на все компании технологии, соответствующие определенным высоким стандартам, устанавливает равные условия для всех школьных районов, достигая минимизации дифференциации между лучшими и худшими секторами. Лучший в Японии может уступать лучшему в Англии и США, но средний, безусловно, выше соответствующего среднего.

В процессе осуществления образовательных реформ, модернизации подготовки отечественной элиты, имеющиеся фундаментальные несоответствия ее результатов настоящим заданиям и функциям, в значительной мере ограничивают возможности выполнения будущей элитой ответственных целей по адекватному реформированию общества. На одно из многочисленных мест в структуре этих несоответствий следует поставить явно недостаточное «духовное» обеспечение будущей элиты, недооценки роли воспитания на национальных традициях. В условиях, с одной стороны, потери социальных ориентиров, отсутствия общепризнанной национальной идеи, доктрины развития современного общества, с другой – роста интенсивности внешних обменов, тех или иных заимствований чужеродной культуры в условиях глобализации, делают особенно уязвимым багаж социальной ориентации населения, элитных слоев.

Несмотря на то, что в Японии, как и в Украине, учитывая процессы незавершенной трансформации крестьянских обществ, существует система наследования власти, когда сыновья, дочери и внуки политиков, государственных служащих и бизнесменов старших поколений почти автоматически занимают места в парламенте, на службе или место в бизнесе. В Японии она сочетается с жесткой системой конкурентного отбора претендентов на те или иные должности государственной власти или бизнеса, который обеспечивает противодействие привлечению к этим сферам профессионально неподготовленных претендентов.

Проблема качества элиты и ее повышения для постсоветских стран является поистине судьбоносной, от ее решения зависит сценарий дальнейшего общественного развития. Если взять варианты сценариев в агрегированном виде, то их существует два [11, с. 10–11]. Первый – консервация нынешнего или даже усиление маргинального состояния страны, что содержит угрозу усиления авторитарных тенденций в политике, которая связана с объективными предпосылками цивилизационного развития, консервацией паразитических элитных теневых структур. Второй – это качественный прорыв на пути социально-экономической трансформации, превращения страны в зону эффективного развития элитных экономических структур.

Выводы

Таким образом, современный процесс первоначального накопления капитала имеет существенный девиационной потенциал, который, в частности, выражается в ускоренном теневизационном росте всех основных социально-экономических сфер, развитии теневого параобщества. Современная элита общества, которая объективно призвана разорвать круг теневизационных противоречий первоначального накопления капитала, в настоящее время активно способствует экспансии моделей экономического развития, построенных на обострении конфликтов и социальной напряженности, широком использовании теневых средств. Перед обществом стоит неотложная задача системного решения проблем развития эффективной элиты, как одного из главных факторов разрешения теневых противоречий первоначального накопления капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Філіпенко, А.С. Економічний розвиток сучасної цивілізації/ А.С. Філіпенко. – К.: Знання, 2000. – 174 с.

2. Рязанов, В. Реформы и циклы модернизации российской экономики /В. Рязанов // Российский экономический журнал. – 1992. – № 10. – С.69–78.

3. Бестужев-Лада, И. Преодоление проблемных ситуаций в управлении социальными процессами / И. Бестужев-Лада // Вопросы экономики. – 1992. – № 1. – С.31–40.

4. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики/ Н.Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 526 с.

5. Пиджаренко, А. История и тайны уголовного и политического сыска/ А. Пиджаренко. – К.: Юринформ, 1994. – 339 с.

6. Волновые процессы в общественном развитии / В.В.Василькова, И.П.Яковлев, И.П.Барыгин [и др.]. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 227 с.

7. Пантин, В. Краткий миг российской свободы /В. Пантин, В. Лапкин // Знание-сила. – 1991. – № 8. – С.26–38.

8. Эйдельман, Н.Я. “Революция сверху” в России/ Н.Я.Эйдельман. – М.: Книга, 1989. – 173 с.

9. Онищук, С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса/ С.В. Онищук, М.В. Белоусенко. – 2-е изд. – Донецк: РИА Дон ГТУ, 1999. – 152 с.

10. Гальчинський, А. Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу/ А. Гальчинський. – К.: Українські пропілеї, 2001. – 320 с.

11. Жданов, І. Україна у XXI столітті: виклики для політичної еліти / І.Жданов, Ю. Якименко // Національна безпека і оборона. – 2003. – № 9. – С.2–11.